

Grand Fantasy

Robert E. Howard

**A Gent
From Bear Creek**

К 115-ЛЕТИЮ ОСНОВОПОЛОЖНИКА
ГЕРОИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ

Роберт Говард

Джентльмен
с Медвежьей речки

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва
2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44
Г57

*Перевод с английского А. В. Третьяковой
Вступительная статья Д. В. Квашнина*

Говард, Роберт

Г57 Джентльмен с Медвежьей речки / Р. Говард ;
[пер. с англ. А. В. Третьяковой ; вступит. ст.
Д. В. Квашнина]. — М. : РИПОЛ классик, 2021. —
352 с. — (Grand Fantasy).

ISBN 978-5-386-14521-7

Идея этого уморительного вестерна была навеяна Роберту Говарду атмосферой родного Техаса и встречами с замечательными людьми: великий писатель еще застал настоящих ковбоев начала XX столетия! Верзила Брек Элкинс — самый сильный парень на селе, но вместе с тем добродушный простак: да его ребенок вокруг пальца обведет! Однако Брек всегда придет к своей цели — поможет слабым, покарает злодеев, принесет в родные края свет просвещения и добьется любви первой красавицы в округе! Другой вопрос — в какую он на сей раз попадет передрыгу и сколько при этом пострадает человек...

Роман, не издававшийся в России более четверти века, представлен в новом переводе. Произведение украшают иллюстрации, специально подготовленные для настоящего издания.

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44**

- © Третьякова А. В., перевод на русский язык, 2021
- © Квашнин Д. В., вступительная статья, 2021
- © Ильиных А. Н., художественное оформление, 2021
- © Нестерова Е. В., художественное оформление, 2021
- © Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

ISBN 978-5-386-14521-7

**ДЖЕНТЛЬМЕН
С МЕДВЕЖЬЕЙ РЕЧКИ**

— Дайте-ка я сам с ним разберусь, — процедил мистер Вилкинсон. — Отойдите-ка, не мешайтесь. Слушай сюда, ты, лопоухий горный мул. Даю тебе выбор: сам уйдешь, или тебе помочь и вышвырнуть тебя за дверь?

— Ну, так чего ты ждешь, скунс полосатый? — вежливо ответил я. Он с ухмылкой потянулся за револьвером, но я оказался быстрее. Не успел он спустить курок, как я первой же пулей вышиб у него из руки пушку, отстрелив попутно один из пальцев.

Вилкинсон взвыл и отшатнулся к стене, глядя на меня дикими глазами, пока из раны на руке текла кровь. Я сунул свой старый добрый револьвер сорок четвертого калибра обратно в кобуру и сказал:

— Может быть, у себя в низине ты и считался лучшим стрелком, но здесь, на Медвежьей речке, тебя опередят в два счета. Иди-ка ты домой и...

В этот самый миг старик Макгроу огрел-таки меня кочергой по голове. Сжимая кочергу обеими руками, он изо всех сил размахнулся, и, сдается мне, не оказался у меня на голове енотовой шапки, мне бы не поздоровилось. Но удар застал меня врасплох, я рухнул на колени, и тут трое сыновей старика Макгроу подскочили ко мне и принялись колошматить: кто лавочкой, кто стулом, а кто-то ножкой от стола. Ну, вы же знаете, что семейству Глории я никогда навредить не хотел, да вот только когда старик кочергой меня огрел, я прикусил язык, а этого я не люблю. Как бы то ни было, драться с мальчишками я смысла не видел. А они жаждали крови — моей крови, если уж на то пошло.

Так что я встал, схватил Джо одной рукой за шею, другой промеж ног и аккуратненько швырнул его в окно. Вот только позабыл совсем, что окно-то

деревянными балками было заколочено, чтоб медведи не поналезли. Джо вышиб эти балки, вылетел на улицу, ну и оцарапался слегка в полете. Глория закричала, и я уж хотел крикнуть ей, что все со мной в порядке, чтоб она обо мне не беспокоилась, но только я успел рот разинуть, как Джон сунул мне прямо в рот ножку от стола.

От такого обращения и у святого терпение бы кончилось, но все-таки я не собирался так сильно бить Джона. Откуда ж мне было знать, что от моего тычка он окажется за дверью, да еще и с вывихнутой челюстью?

Старик Макгроу все плясал вокруг меня и метил отвесить мне еще одну затрещину своей гнутой кочергой и не зацепить при этом Билла, который дубасил меня стулом по голове. А вот сам мистер Вилкинсон в потасовке не участвовал. Он глядел на нас обезумевшим взглядом, привалившись к стене. Видать, наши местные склоки были для него в новинку.

Только я выхватил у Билла стул и обрушил его ему на голову, чтобы маленько утихомирить, как старик Макгроу опять размахнулся кочергой. Но я пригнулся и перехватил ее, а Билл тем временем попытался подобрать с пола ножик — видать, вывалился у кого-то из-за голенища. Поскольку он стоял спиной ко мне, я воспользовался случаем и с изрядной силой пихнул его мокасином пониже спины. Билл, вопя, кубарем выкатился за дверь. Кто-то еще закричал — по голосу, вроде как Глория. Тогда я еще не знал, что она как раз хотела войти внутрь. Братец сбил ее с ног, и оба покатались назад во двор.

Я не видел, что творится снаружи. Старик Макгроу принялся кусать меня за большой палец, пыта-

ясь руками нащупать мои глаза, так что я вышвырнул его вслед за Джоном и Биллом. И вовсе я не метил нарочно в дождевую бочку, врет он все! Я и знать не знал, что там стоит какая-то бочка, пока не услышал треск проломленных головой досок.

Я повернулся, чтобы перекинуться еще парой словечек с мистером Вилконсоном, но тот вдруг как даст стрекача через то самое окно, в которое я бросил Джо. Я уж хотел было его догнать, да у меня в проем плечи не пролезли. Так что я бросился к двери, но едва во двор выскочил, как вдруг передо мной возникла Глория и отвесила мне оплеуху, да такую звонкую, будто бобер ударил хвостом по илистому берегу.

— Ты чего, Глория! — говорю, а самого оторопь берет: из ее голубых глаз чуть не искры сыплются, золотые волосы дыбом стоят. Она была в таком бешенстве, что даже заплакала, и только тогда я впервые узнал, что она *умеет* плакать. — Да что стряслось? Что я такого сделал?

— Что ты сделал? — переспросила она, воинственно наступая на меня. — Ах ты бандит! Душегуб! Лопухое отродье пятнистого скунса! Гляди, что ты натворил! — Она показала пальцем на своего отца, который пытался вытащить голову из обломков деревянной бочки, на братьев, валявшихся по всему двору, стонущих и перемазанных кровью. — Ты чуть не перебил всю мою семью! — говорит, а сама кулачками у меня под носом трясет. — И ты нарочно швырнул Билла прямо в меня!

— И вовсе нет! — возмущенно запротестовал я. — Сама знаешь, Глория, я ведь волосу с твоей головы не дам упасть! Черт возьми, да ведь я все это ради тебя...

— Зачем было калечить моего папашу и братьев? — кричит, а сама навзрыд плачет. Девчонки, что с них взять. Да и что я мог сделать? А она дальше всхлипывает: — Если бы ты меня любил, ты бы их не тронул! Ты это нарочно сделал, подлец! Я же просила, чтоб ты вел себя скромно и осторожно! А ты? Замолчи! Не говори мне ничего! Ну, чего как воды в рот набрал? Или язык отсох?

— Я ведь и так с ними осторожно, — громко начал оправдываться я, теряя понемногу терпение. — Не виноват я ни в чем. Если б они понимали, то...

— Не смей наговаривать на мою родню! — взвизгнула она. — А мистер Вилкинсон-то где?

И тут вышеозначенный господин выскакивает из-за угла и залезает на свою кобылу. Глория кинулась к нему, схватила за руку и говорит:

— Если вы все еще хотите взять меня в жены, чужеземец, то я согласна! Я прямо сейчас с вами поеду!

Но тот посмотрел на меня, вздрогнул и отдернул руку.

— Я что, на дурака похож? — пылко осведомился он. — Рекомендую вам выйти замуж за этого юного гризли, по крайней мере, ради сохранения общественного спокойствия! Жениться на вас, когда на вас *он* глаз положил? Нет уж, благодарю! Оставляю свой палец в качестве сувенира, хотя, сдается мне, я еще легко отделался. Видал я это торнадо в действии и, как по мне, палец — это сущий пустяк! *Адье!* Если я еще хоть раз на сотню миль приближусь к Медвежьей речке, считайте меня чокнутым!

С этими словами он пришпорил кобылу и так припустил вверх по тропинке, словно за ним гнался сам дьявол.

— Видишь, что ты наделал! — всхлипнула Глория. — Теперь он уже не хочет на мне жениться!

— Так ведь ты же сама за него не хотела! — Я вконец запутался. Тут-то она и набросилась на меня, как рысь.

— Не хотела! — кричит. — Я бы за него не вышла, будь он даже последним мужчиной на земле! Но я требую оставить *мне* право решать, да или нет! Я не собираюсь позволять какому-то деревенщине на вшивом муле командовать мной!

— И вовсе Александр не вшивый, — говорю. — И вообще, не собирался я никем командовать, Глория. Я просто хотел все устроить так, чтобы твой папаша не заставлял тебя выходить за мистера Вилкинсона. Ведь это же мы с тобой хотели пожениться...

— Это кто тебе сказал, что мы хотели? — взвилась она. — Выйти за тебя, после того как ты поколотил моего отца и братьев? Ты что, вообразил себя лучшим парнем на всей Медвежьей речке? Ха! Сдался ты мне со своими кожаными штанами, ржавым револьвером и енотовой шапкой! Выйти за тебя? А ну, полезай на своего вшивого мула и убирайся отсюда, пока я тебя дробью не разукрасила!

— Ну и ладно! — взревел я, потеряв наконец терпение. — Ну и ладно, раз тебе так хочется! Ты тоже не последняя девушка в этих горах! Да любая будет только рада, если я захочу на ней жениться!

— Ну и кто же, например? — ухмыльнулась Глория.

— Да хоть Эллен Рейнольдс! — рявкнул я. — Вот кто!

— Ну и прекрасно! — говорит она, а голос прямо дрожит от ярости. — Валяй, садись на своего вшивого мула и езжай к ней, охмуряй эту бесстыжую дев-

ку, да дырявые мокасины и ржавую пушку не забудь! А мне все равно!

— И поеду! — заверил ее я. — Только не на муле, а на лучшем коне в округе, и на ногах у меня будут сапоги, а на коне — серебряное седло и сбруя. И пистолет у меня будет самый лучший, с покупными патронами! Вот погоди, сама увидишь!

— И где же ты возьмешь все это? — спросила она с издевкой.

— Найду! — рявкнул я, краснея от ярости. — Ты вот спрашивала, уж не вообразил ли я себя лучшим парнем на Медвежьей речке? Так вот, ей-богу, так оно и есть! Я лучше всех, и я это докажу! И я только рад, что ты меня гонишь! А то, чего доброго, еще женился бы на тебе, поселился в каком-нибудь домишке и ничего на свете больше не видел, не слышал и никем бы не стал, кроме как твоим мужем! Но уж теперь-то я объезжу всю страну, побываю во всех уголках и прославлюсь на всю округу!

— Ха-ха-ха! — холодно рассмеялась она.

— Сама увидишь! — гневно пообещал я ей, пришпорил мула и поехал по тропинке.

Ее смех все еще звучал у меня в ушах. Я едва ли не со злостью ткнул Александра пятками в ребра, и тот, громко вскрикнув от изумления, заторопился к дому. Мгновением позже и дом семейства Макгроу, и Глория, и мои юношеские мечты остались позади, скрытые зарослями ольховника.

STORE

Поднялся гвалт, из салунов на улицу принялись выбегать люди, а я попытался поднять на ноги дядюшку Исава; его слегка шатало, потому что, падая, он ударился лбом о коновязь. Он ползал кругами на четвереньках, ругаясь на чем свет стоит, и силился отыскать револьвер. Едва я попытался поднять его за плечи, как он кинулся кусаться, лягаться и орать. Тут я сказал:

— Перестань, дядюшка Исав. Вон сколько кругом народу, сюда в любую минуту может явиться шериф и арестовать меня за то, что я подстрелил тех двух идиотов. Надо идти на Медвежью речку. Там тебя ждет папаша.

Но, услышав это, он принялся только сильнее вопить и отбиваться, так что делать было нечего; я схватил его, запрыгнул на Капитана Кидда, бросил дядюшку Исава лицом вниз поперек луки седла и поскакал в горы. Многие тут же начали кричать мне вслед, чтоб я остановился, а кто-то даже принялся палить в меня, но я не обращал внимания.

Я дал Капитану Кидду волю, и мы уже миновали первый поворот, а я все никак не мог усадить дядюшку Исава поудобнее, потому что опасался, что меня тут же схватят и арестуют. Надежды успеть на свидание к Долли Риксби таяли на глазах. Отчего у всех родня как родня, а у меня... черт бы их всех побрал!

Перед самым поворотом на Медвежью речку нам на дороге встретился мужчина; должно быть, он услышал выстрелы и дядюшкины вопли, а потому развернул лошадь поперек дороги и преградил нам путь. Это был жилистый старичок с седыми бакенбардами.

— Куда это ты тащишь этого человека? — крикнул он, когда капитан Кидд, громогласно стуча копытами, поравнялся с ним.

— Не твое дело, — проговорил я. — Прочь с дороги.

— Помогите! Помогите! — взвыл дядюшка Исав. — Меня похитили! Убивают!

— Отпусти этого человека, проклятый бандит! — прорычал незнакомец и тут же перешел от слов к действиям.

Мы одновременно выхватили оружие, но мой выстрел прозвучал секундой раньше, чем его. Его пуля просвистела мимо моего уха, а моя сшибла с него шляпу, и незнакомец вывалился из седла, будто молотком по голове ударенный. Проходя мимо, я заметил, что от его виска по земле тянется красный ручеек.

— Это тебя научит не лезть в чужие семейные дела! — рявкнул я, а затем свернул на тропу к Медвежьей речке и поскакал дальше в горы.

— Прекратишь ты орать или нет? — с раздражением сказал я дядюшке Исаву. — Меня же могли застрелить. Этот человек принял меня за бандита.

Он ответил что-то, да только я не расслышал. Я оглянулся и посмотрел вниз, на подножие холмов; из города шла целая толпа людей, солнце отражалось от стволов их револьверов и ружей, так что я пришпорил Капитана Кидда, и следующие несколько миль мы проскакали без остановок.

Дядюшка Исав пытался что-то сказать, но его так подкидывало в седле, что я не мог ничего разобрать, не считая крепких и частых ругательств. Наконец он простонал:

— Ради всего святого, сними меня с этой треклятой луки, иначе мне протрет дыру на животе!

Я придержал коня и оглянулся. Преследователей не было видно, так что я сказал:

— Ну ладно, можешь сесть в седло, а я сяду позади. Вообще-то я собирался взять для тебя лошадь в стойле, да вот только уезжать пришлось в спешке, так что времени не было.

— Куда ты меня тащишь? — грозно спросил он.

— На Медвежью речку, — говорю. — А ты что думал?

— Не хочу я на Медвежью речку, — злобно возразил он. — Не хочу и *не поеду!*

— Поедешь, — говорю, — куда ты денешься. Папаша сказал, чтобы я твоих возражений не слушал. А теперь я пересяду назад, а ты давай, двигайся в седло.

Я вытащил ноги из стремян и перелез на круп Капитана Кидда, а дядюшка уселся в седло — и тут же выхватил нож из-за голенища сапога и попытался перерезать мне глотку.

Я всегда готов угодить своей родне, но тут уж и мое терпение лопнуло. Нож-то я отобрал, да вот только в борьбе я так старался не причинить дядюшке вреда, что случайно выпустил из рук поводья, и Капитан Кидд тут же как с цепи сорвался и несколько миль скакал во весь опор прямо сквозь сосняк и кусты. Я пытался схватить поводья и при этом не позволить дядюшке Исаву убить меня, а стремяна так и болтались пустыми; наконец мы оба свалились на землю, и, если бы я не успел, падая, схватить узду, нам бы предстояла долгая прогулка.

Капитан Кидд протащил меня еще около семидесяти пяти ярдов, но я сумел его остановить, а затем пошел к дядюшке Исаву, который лежал на земле, тяжело дыша. Я вроде как на него упал.

— Да кто ж так поступает! Человек делает все для твоего же удобства, а ты пытаешься пырнуть его но-

жом, — упрекнул я дядюшку. Он не ответил, только шумно выдохнул, и я продолжил: — Ну, ладно, папаша предупреждал меня, что ты тот еще старый осел, так что мне ничего не остается, кроме как не обращать внимания на твои странности.

Я огляделся, чтобы понять, куда нас занес Капитан Кидд, окончательно сбившийся с дороги. Мы оказались к западу от Медвежьей речки, в очень диких местах, но сквозь деревья я разглядел домишко и сказал:

— Пойдем-ка туда, посмотрим, может быть, там удастся выторговать для тебя лошадь. Нам обоим так будет сподручней.

Я усадил его обратно в седло, и он неуверенно проговорил:

— Это свободная страна. Я не обязан ехать на Медвежью речку, если сам того не пожелаю.

— Слушай, — сказал я строго, — пора бы тебе уже пожелать, после всего, что я для тебя сделал, после всех бед, в которые я из-за тебя попал. А ведь я приехал встретить тебя, пригласил домой, и из-за тебя не попал на свидание с первой красавицей Боевого Раскраса. Так что сиди тихо. Я сяду позади, но поводья будут у меня.

— Ты за это жизнью заплатишься, — кровожадно пообещал он, но я уже не слушал, потому что папаша предупреждал: дядюшка со странностями.

Скоро мы добрались до домика, который я заметил сквозь заросли. Людей вокруг видно не было, но я заметил, что к дереву перед домом привязана лошадь. Я подъехал к входу и постучал в дверь, но никто не отозвался. Только вот из трубы шел дымок, так что я решил заглянуть внутрь.

— Ну, кем бы они ни были, лучше нам не останавливаться и не спрашивать их! — рассудил Глантон. — Потому что эти джентльмены, очевидно, жаждут нашей крови!

— Уходим в лес, — скомандовал я. — Я сегодня же попаду в Жеваное Ухо, и никакие адские черти, горные реки и все пули вместе взятые, меня не остановят!

Мы бросились в заросли, приминая кусты копытами так, что нас мог бы вычислить даже слепой, но что уж с этим поделаться; все сорок, а то и пятьдесят человек поскакали вслед за нами, но мы петляли между деревьев, запутывали следы и сворачивали на потайные тропки, о которых знал только старик Джошуа, поэтому, когда мы подошли к Жеваному Уху, наших преследователей нигде не было видно. Да и весь город казался каким-то пустым. Все двери были закрыты, ставни в окнах домов, салунов, магазинов и вообще всех зданий были плотно закрыты. Странно.

Едва мы выехали на открытую улицу, как — бам! — кто-то пальнул в нас из дробовика из ближайшего дома, да дробь только лишь причесала бакенбарды Джошуа. Это меня так взбесило, что я поскакал к дому, вытащил одну ногу из стремя и со всей силы пнул дверь; пока я это проделывал, тот парень, что палил в нас изнутри, с воплем выскочил в окно, но Глантон успел схватить его за шею и выбил дробовик у него из рук. Это оказался Исав Барлоу, один из честных горожан Жеваного Уха.

— Какого дьявола вы вытворяете? Это что, у вас в Жеваном Ухе так принято встречать гостей? — взревел Билл.

— Глантон? Это ты? — ахнул Барлоу, быстро моргая.

— А кто ж еще! — рявкнул Барлоу. — Я что, похож на индейца?

— Д-да... ой! Я хотел сказать, этот твой тюрбан на голове сбил меня с толку, — объяснил Барлоу. — Я сплю, или это и впрямь Джошуа Брекстон и Бреккенридж Элкинс?

— Конечно, это мы! — отрезал Джошуа. — А ты как думал?

— Ну, — начал Исав, потирая шею, — я же не знал! — Он покосился на звериную шкуру, обмотанную вокруг пояса Джошуа, и снова принялся протирать глаза и мотать головой, словно даже теперь не мог в это поверить.

— Ну, и где все? — требовательно спросил Джошуа.

— Дело было так, — начал Исав. — Недавно в город влетел Дик Линч на взмыленной лошади и стал клясться, будто только что повстречал самое страшное войско, какого в этих холмах еще не бывало! «Парни, — говорит, — они не индейцы, но и не наши люди тоже! Это те самые дикари, о которых толковал тот профессор из Нью-Йорка! Один из них здоровенный, словно гризли, сам без рубахи и верхом на огромном, больше племенного лося, коне. Другой такой же уродливый, закутан в какие-то лохмотья, но ростом поменьше, а на голове намотано что-то на манер апачей. Третий же и вовсе повязал на пояс шкуру пантеры, а в руках держит дубину, а волосы да усы у него такие длинные, что свисают до самых плеч! Едва они, — говорит, — меня увидели, как тут же принялись орать, да так страшно — я никогда раньше такого не слышал! Словно целое племя диких индейцев. Я тут же поскакал назад в город, — говорит, — и всех по дороге предупреждал, чтоб сидели по домам и не высовывались».

— Так вот, — продолжал Исав, — едва он все это сказал, как все мужчины похватали ружья и стали

седлать лошадей... кроме меня, потому как у меня вскочил прыщ на одном очень важном месте, и сидеть верхом я пока не могу... вот, а они выехали из города и поскакали по дороге на запад, встречать дикарей, прежде чем те заявятся в город.

— Вот же дурачье! — фыркнул я. — Слушай-ка, а где тут у вас новая учительша?

— Так она еще не приехала, — ответил Исав. — Вот как раз должна прибыть на соседнюю станцию, наш мэр с помощниками уже отправились на Желтую речку, чтобы ее встретить и сопроводить в город с честью. Они выехали еще до того, как Дик Линч принес весть о дикарях.

— Ладно, пошли! — скомандовал я своим дикарям. — Мы ее тоже на станции встретим!

Мы пришпорили лошадей, выехали на дорогу и вскоре услышали впереди музыку, радостные крики и выстрелы, будто бы кто-то что-то праздновал, и мы рассудили, что, видать, учительша уже прибыла на станцию.

— Ну, и что теперь? — спросил Глантон, и тут позади раздался шум; я оглянулся и увидел ту шайку маньяков, что преследовали нас по пути в Жеваное Ухо; они скакали во весь опор, подымая пыль и размахивая винчестерами. Я сразу понял, что пытаться с ними спорить и что-то им втолковывать бесполезно. Они разукрасят нас свинцом издалека и даже не расслышат, что им говорят. Так что я рявкнул:

— Вперед! Если они увезут ее в город, то нас уже близко не подпустят, и мы никогда ее не получим! Придется увозить ее без спросу! За мной!

Мы поскакали вперед, дорога вильнула в сторону, и мы увидели дилижанс, подъезжающий к станции, рядом с которым верхом ехал мэр, держа шля-

пу в руке; его боковые карманы и все подседельные мешки были битком набиты бутылками с виски, только горлышки торчали наружу. Он кричал во весь голос, чтобы его было слышно, несмотря на оглушительную музыку. Музыканты дудели во всякие дудки, били в барабаны, играли на варганах, а лошади от всего этого пугались, вставали на дыбы и подскакивали на ровном месте. Но мы расслышали, что говорил мэр:

— Добро пожаловать, мисс Девон, в наш маленький мирный городок, где жизнь течет гладко да размеренно, где помыслы каждого жителя чисты, как молоко, а слова сладки, словно мед... — И тут мы выскочили на дорогу, раскидали по сторонам музыкантов и стали пробиваться прямо сквозь толпу, которая тут же принялась орать, ругаться и палить куда ни попадя.

Минуту спустя на станции началось такое столпотворение, какого вы никогда не видывали: лошади сбрасывали с себя наездников, люди кричали, сыпали проклятиями, а те лошади, что были привязаны возле станции, вырвались и ускакали, попутно сбив мэра на землю. Мы ураганом налетели на него, и тут в нас принялись палить со всех сторон, а музыканты стали бить нас по головам своим чертовыми дудками; в самый разгар потасовки толпа наших преследователей свернула с дороги и со всего маху влетела в другую толпу, не успев остановиться, и все так запутались, что принялись лупить друг друга без разбору. Старик Джошуа размахивал дубиной направо и налево, Глантон колотил музыкантов рукоятью револьвера по головам, а я в ярости топтал всех, кто подворачивался под ноги.

Лошади, тянувшие экипаж, со страху поскакали куда-то, где, по моим прикидкам, должен был быть Атлантический океан, и ни кучер, ни дробовик сторожа никак не могли их остановить. Но Капитан Кидд нагнал их в десять прыжков, и я выскочил из седла и прыгнул прямо на козлы. Сторож попытался пристрелить меня из дробовика, но я успел выхватить у него ствол и швырнуть в заросли ольховника; правда, сам сторож не успел выпустить оружие из рук, и так уж вышло, что он тоже полетел в кусты.

Затем я отобрал поводья у кучера, развернул этих глупых лошадей назад, и станция крутанулась, отчего на секунду все поплыло перед глазами, но потом все встало на свои места, и я поскакал в самую гущу драки, к Биллу и Джошуа.

Тут я случайно обнаружил, что кучер пытается проткнуть меня мясницким ножом, потому мне и пришлось скинуть его с экипажа, а он теперь ходит и грозит, что меня арестуют только за то, что он, видите ли, приземлился головой прямо в огромную трубу, откуда его потом пришлось вытаскивать всемером. Сам виноват. Смотреть надо, куда падаешь, когда тебя на полном ходу скидывают с экипажа.

Более того, до меня дошел слух, будто бы и сам мэр точит на меня зуб за то, что я случайно переехал его всеми четырьмя колесами. Так ведь я не виноват, и в том, что Капитан Кидд наступил на него, тоже. Капитан Кидд всего-навсего скакал вслед за экипажем, потому что видел там меня. А разве воспитанной лошади понравится запинаться о кого ни попадя? Неудивительно, что Капитан Кидд куснул мэра за ухо.

А что до тех несчастных, кто случайно попал под экипаж — так это я не нарочно. Я всего-то хотел по-

мочь Джошуа с Биллом, потому что противники превосходили их числом раз в двадцать. И вообще, я этим идиотам, можно сказать, одолжение сделал, ведь Биллу в любую минуту могло надоесть стучать рукоятками револьверов по их бестолковым макушкам, и тогда он перевернул бы револьвер, и вот тогда-то началась бы настоящая кровавая бойня. Глантон совсем не умеет вести себя сдержанно.

Они на пару с Джошуа уложили целую гору противников, но к тому моменту, когда я подъехал к полю боя, удача повернулась к ним спиной. Когда экипаж прорывался сквозь толпу, я протянул руку, схватил Джошуа за шею, выдернул его из рук пятнадцати мужчин, которые молотили его прикладами и тянули за бакенбарды, и бросил поверх багажа. Тут мы как раз поравнялись с Биллом, которого тоже окружила бешеная толпа; я схватил его и втянул на экипаж четверых мужчин разом: Билла и тех троих, что вцепились в него и никак не хотели отпускать. Затем, придерживая Билла одной рукой, другой я стал отдирать от него этих идиотов, будто репей с коровьей шкуры, и швырять обратно в толпу, которая теперь гналась за нами.

Люди и лошади гурьбой столпились на дороге, и это только усложнило дело, потому что Капитан Кидд напролом шел следом за экипажем; когда впереди показалось Жеваное Ухо, все наши враги остались позади, разбросанные вдоль дороги.

Подняв пыль столбом, мы проскакали через весь город, а женщины и дети выглядывали на нас из своих укрытий, взвизгивали и прятались снова, хотя никакой опасности и в помине не было. Такой уж странный народ живет в этом вашем Жеваном Ухе, что поделать.